

Р1
Т53

ТФ

Гр. Л. Н. Толстой.

I.

Ассирійскій Царь Ассархадонъ.

II.

ТРИ ВОПРОСА.

Съ 9-ю рисунками

Н. И. Живаго.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

2 9852
T53
Л. Н. Толстой.

I.

АССИРІЙСКІЙ ЦАРЬ АССАРХАДОНЪ.

II.

ТРИ ВОПРОСА.

ДВѢ СКАЗКИ.

Съ 9-ю иллюстраціями Н. И. Живаго.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пимен. ул., соб. домъ.
МОСКВА.

МУК «Тульская
библиотечная система»

Дозволено цензурою. Москва, 10 ноября 1903 года.

I.

Ассирійскій царь Ассархадонъ завоевалъ царство царя Лаиліэ, разорилъ и сжегъ всѣ города, жителей всѣхъ перегналъ въ свою землю, воиновъ перебилъ, самого же царя Лаиліэ посадилъ въ клѣтку.

Лежа ночью на своей постели, царь Ассархадонъ думалъ о томъ, какъ казнить Лаиліэ, когда вдругъ услыхалъ подлѣ себя шорохъ и, открывъ глаза, увидалъ старца съ длинной сѣдой бородой и кроткими глазами.

— Ты хочешь казнить Лаиліэ?—спросилъ старецъ.

— Да, — отвѣчалъ царь. — Я только не придумалъ, какой казнью казнить его.

— Да вѣдь Лаиліэ это ты, — сказалъ старецъ.

— Это неправда, — сказалъ царь, — я — я, а Лаиліэ — Лаиліэ.

— Ты и Лаиліэ — одно, — сказалъ старецъ. — Тебѣ только кажется, что ты не Лаиліэ, а Лаиліэ — не ты.

— Какъ кажется?—сказалъ царь.—Я вотъ лежу на мягкомъ ложѣ, вокругъ меня покорные мнѣ рабы и рабыни, а завтра я буду такъ же, какъ сегодня, пиро-

вать съ моими друзьями,—а Лаиліэ какъ птица сидить въ клѣткѣ, а завтра будетъ съ высунутымъ языкомъ сидѣть на колу и корчиться до тѣхъ поръ, пока издохнетъ, и тѣло его будетъ разорвано псами.

— Ты не можешь уничтожить его жизнь,—сказалъ старецъ.

— А какъ же тѣ 14000 воиновъ, которыхъ я убилъ и изъ тѣлъ которыхъ я сложилъ курганъ? — сказалъ царь.—Я живъ, а ихъ нѣтъ; стало быть я могу уничтожить жизнь.

— Почему ты знаешь, что ихъ нѣтъ?

— Потому что я не вижу ихъ. Главное же то, что они мучились, а я нѣтъ; имъ было дурно, а мнѣ хорошо.

— И это тебѣ кажется. Ты мучалъ самъ себя, а не ихъ.

— Не понимаю,—сказалъ царь.

— Хочешь понять?

— Хочу.

— Подойди сюда,—сказалъ старецъ, указывая царю на купель, полную водой.

Царь всталъ и подошелъ къ купели.

— Раздѣнься и войди въ купель.

Ассархадонъ сдѣлалъ то, что велѣлъ ему старецъ.

— Теперь, какъ только я начну лить на тебя эту воду,—сказалъ старецъ, зачерпнувъ воды въ кружку,—окупись съ головой.

Старецъ нагнулъ кружку надъ головой царя, и царь окунулся.

И только что царь Ассархадонъ окунулся, онъ почувствовалъ себя уже не Ассархадономъ, а другимъ человѣкомъ. И вотъ, чувствуя себя этимъ другимъ че-

ловѣкомъ, онъ видитъ себя лежащимъ на богатой постели рядомъ съ красавицей женщиной. Онъ никогда не видалъ этой женщины, но онъ знаетъ, что это жена его. Женщина эта приподнимается и говоритъ ему: „Дорогой мой супругъ Лаиліэ, ты усталъ отъ трудовъ вчерашняго дня и потому спалъ дольше обыкновеннаго, но я берегла твой покой и не будила тебя. Теперь же князья ожидаютъ тебя въ большой палатѣ. Одѣвайся и выходи къ нимъ“.

И Ассархадонъ, понимая изъ этихъ словъ, что онъ Лаиліэ, и не только не удивляясь этому, но удивляясь тому, что онъ до сихъ поръ не зналъ этого, встаетъ, одѣвается и идетъ въ большую палату, гдѣ князья ожидаютъ его.

Князья земнымъ поклономъ встрѣчаютъ своего царя Лаиліэ, потомъ встаютъ и по его приказу садятся передъ нимъ, а старшій изъ князей начинаетъ говорить о томъ, что нельзя долѣе терпѣть всѣхъ оскорбленій злого царя Ассархадона и надо идти войной противъ него. Но Лаиліэ не соглашается съ ними, а велитъ послать пословъ къ Ассархадону, чтобы усовѣстить его, и отпускаетъ князей. Послѣ этого онъ назначаетъ почтенныхъ людей послами и внушаетъ имъ подробно то, что они должны передать царю Ассархадону.

Окончивъ эти дѣла, Ассархадонъ, чувствуя себя Лаиліэмъ, выѣзжаетъ въ горы на охоту за дикими ослами. Охота удачна. Онъ самъ убиваетъ двухъ ословъ и, возвратившись домой, пируетъ съ своими друзьями, глядя на пляску невольницъ.

На другой день, по обыкновенію, онъ выходитъ на дворъ, гдѣ ожидаютъ его просители, подсудимые и

тяжущіеся, и рѣшаетъ представляемыя ему дѣла. Окончивъ эти дѣла, онъ ѣдетъ опять на любимую свою забаву-охоту. И въ этотъ день ему удастся самому убить старую львицу и захватить ея двухъ львенковъ.

Послѣ охоты онъ опять пируетъ со своими друзьями, забавляясь музыкой и пляской, а ночь проводитъ съ любимой женой своей.

Такъ живетъ онъ дни и недѣли, ожидая возвращенія пословъ, отправленныхъ къ тому царю Ассархадону, которымъ онъ былъ прежде.

Послы возвращаются только черезъ мѣсяцъ и возвращаются съ отрѣзанными носами и ушами.

Царь Ассархадонъ велитъ сказать Лаиліэ, что то, что сдѣлано съ его послами, будетъ сдѣлано и съ нимъ, если онъ сейчасъ же не пришлетъ назначенную дань серебра, золота и кипарисоваго дерева и не пріѣдетъ самъ на поклонъ къ нему.

Лаиліэ, бывшій прежде Ассархадонѣмъ, опять собираетъ князей и совѣтуется съ ними о томъ, что надо дѣлать. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что надо, не дожидаясь нападенія Ассархадона, идти на него войной. Царь соглашается и, становясь во главѣ войска, идетъ въ походъ. Походъ продолжается 7 дней. Каждый день царь объѣзжаетъ войска и возбуждаетъ мужество своихъ воиновъ. На 8-й день его войска сходятся съ войсками Ассархадона въ широкой долинѣ на берегу рѣки. Войска Лаиліэ храбро дерутся, но Лаиліэ, бывшій прежде Ассархадонѣмъ, видитъ, что враги какъ муравьи сбѣгаются съ горъ, затопляютъ долины и одолеваяютъ его войска, и бросается на своей колесницѣ въ середину битвы, колетъ и рубитъ враговъ. Но воиновъ Лаиліэ сотни, а Ассархадона —

тысячи, и Лаиліэ чувствуетъ, что онъ раненъ и что его берутъ въ плѣнъ.

Девять дней онъ съ другими плѣнниками идетъ связанный среди воиновъ Ассархадона. На 10-й день его приводятъ въ Ниневію и сажаютъ въ клѣтку.

Лаиліэ страдаетъ не столько отъ голода и ранъ, сколько отъ стыда и безсильной злобы. Онъ чувствуетъ себя безсильнымъ отплатить врагу за все зло, которое онъ терпитъ. Одно, что онъ можетъ, это то, чтобы не доставить своимъ врагамъ радости видѣть его страданія, и онъ твердо рѣшилъ мужественно, безъ ропота, переносить все то, что съ нимъ будетъ.

20 дней сидитъ онъ въ клѣткѣ, ожидая казни. Онъ видитъ, какъ проводятъ на казнъ его родныхъ и друзей, слышитъ стоны казнимыхъ, которымъ однимъ отрубаютъ руки и ноги, съ другихъ съ живыхъ сдираютъ кожу, и не выказываетъ ни безпокойства, ни жалости, ни страха. Видитъ, какъ евнухи ведутъ связанную любимую жену его. Онъ знаетъ, что ее ведутъ въ рабыни къ Ассархадону. И онъ переноситъ и это безъ жалобы.

Но вотъ два палача отпираютъ клѣтку и, затянувъ ему ремнемъ руки за спиной, подводятъ его къ залитому кровью мѣсту казней. Лаиліэ видитъ острый окровавленный колъ, съ котораго только что сорвали тѣло умершаго на немъ друга Лаиліэ, и догадывается, что колъ этотъ освободили для его казни.

Съ него снимаютъ одежду. Лаиліэ ужасается на худобу своего когда-то сильнаго красиваго тѣла. Два палача подхватываютъ это тѣло за худыя ляжки, поднимаютъ и хотятъ опустить на колъ.

— Сейчасъ смерть, уничтоженіе, — думаетъ Лаиліэ

и, забывая свое рѣшеніе выдержать мужественно спокойствіе до конца, онъ, рыдая, молить о пощадѣ. Но никто не слушаетъ его.

„Да это не можетъ быть, — думаетъ онъ, — я вѣрно сплю. Это сонъ“. И онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы проснуться. — Вѣдь я не Лаиліэ, я Ассархадонъ, — думаетъ онъ.

— Ты и Лаиліэ, ты—и Ассархадонъ, — слышитъ онъ какой-то голосъ и чувствуетъ, что казнь начинается. Онъ вскрикиваетъ и въ то же мгновеніе высовываетъ голову изъ купели. Старецъ стоитъ надъ нимъ, выливая ему на голову послѣднюю воду изъ кружки.

— О, какъ ужасно мучился я! И какъ долго! — говоритъ Ассархадонъ.

— Какъ долго?—говоритъ старецъ.—Ты только что окунуль голову и тотчасъ опять высунуль ее; видишь, вода изъ кружки еще не вся вылилась. Понялъ ли ты теперь?

Ассархадонъ ничего не отвѣчаетъ и только съ ужасомъ глядитъ на старца.

— Понялъ ли ты теперь, — продолжаетъ старецъ, — что Лаиліэ—это ты, и тѣ воины, которыхъ ты предалъ смерти — ты же. И не только воины, но тѣ звѣри, которыхъ ты убивалъ на охотѣ и пожиралъ на своихъ пирахъ, были ты же. Ты думалъ, что жизнь только въ тебѣ, но я сдернулъ съ тебя покрывало обмана, и ты увидалъ, что, дѣлая зло другимъ, ты дѣлалъ его себѣ. Жизнь одна во всемъ, и ты проявляешь въ себѣ только часть этой одной жизни. И только въ этой одной части жизни, въ себѣ, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что

будешь разрушать предѣлы, отдѣляющіе твою жизнь отъ другихъ существъ, будешь считать другія существа собою, любить ихъ. Уничтожить же жизнь въ другихъ существахъ не въ твоей власти. Жизнь убитыхъ тобою существъ исчезла изъ твоихъ глазъ, но не уничтожилась. Ты думалъ удлинить свою жизнь и укоротить жизнь другихъ, но ты не можешь этого сдѣлать. Для жизни нѣтъ ни времени, ни мѣста. Жизнь—мгновеніе и жизнь—тысячи лѣтъ, и жизнь твоя и жизнь всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ существъ міра равны. Жизнь уничтожить и измѣнить нельзя, потому что она одна только есть. Все остальное намъ только кажется.

Сказавъ это, старецъ исчезъ.

На другое утро царь Ассархадонъ велѣлъ отпустить Лаиліэ и всѣхъ плѣнныхъ и прекратилъ казни.

На третій день онъ призвалъ сына своего Ашурбанипала и передалъ ему царство, а самъ сначала удалился въ пустыню, обдумая то, что узналъ. А потомъ онъ сталъ ходить въ видѣ странника по городамъ и селамъ, проповѣдуя людямъ, что жизнь одна, и что люди дѣлаютъ зло только себѣ, когда хотятъ дѣлать зло другимъ существамъ.

ТРИ ВОПРОСА.

Подумалъ разъ царь, что если бы онъ всегда зналъ время, когда начинать всякое дѣло, зналъ бы еще, съ какими людьми надо и съ какими не надо заниматься, а, главное, всегда зналъ бы, какое изъ всѣхъ дѣлъ самое важное, то ни въ чемъ бы ему не было неудачи. И подумавъ такъ, царь объявилъ по своему царству, что онъ дастъ великую награду тому, кто научить его, какъ знать настоящее время для cadaго дѣла, какъ знать, какіе люди самые нужные и какъ не ошибаться въ томъ, какое дѣло изъ всѣхъ дѣлъ самое важное.

Стали приходить къ царю ученые люди и отвѣчали различно на его вопросы.

На первый вопросъ одни говорили, что для того, чтобы знать настоящее время для cadaго дѣла, надо составить впередъ расписаніе дня, мѣсяца, года и строго держаться того, что назначено. Только тогда,—говорили они,—всякое дѣло будетъ дѣлаться въ свое время. Другіе говорили, что нельзя впередъ рѣшать, какое дѣло дѣлать въ какое время, и надо не

отвлекаться пустыми забавами и всегда быть внимательнымъ къ тому, что случается, и тогда дѣлать то, что требуется. Третьи говорили, что какъ бы ни будь внимателенъ царь къ тому, что случается, одному человеку нельзя всегда вѣрно рѣшать, въ какое время что нужно дѣлать, а надо имѣть совѣтъ мудрыхъ людей и по этому совѣту рѣшать, что въ какое время дѣлать. Четвертые говорили, что бываютъ такія дѣла, что некогда спрашивать совѣтчиковъ, а надо сейчасъ рѣшать—время или не время начинать дѣло. Для того же, чтобы знать это, надо впередъ знать, что случится. А это могутъ знать только волхвы. И потому для того, чтобы знать настоящее время для каждаго дѣла, надо спрашивать объ этомъ волхвовъ.

Такъ же различно отвѣчали и на второй вопросъ. Одни говорили, что самые нужные царю люди это его помощники, правители; другіе говорили, что самые нужные царю люди это жрецы; третьи, что самые нужные царю люди это врачи; четвертые, что нужнѣе всѣхъ людей для царя—воины.

На третій же вопросъ: какое дѣло самое важное, одни говорили, что самое важное на свѣтѣ дѣло это науки; другіе говорили, что самое важное дѣло это военное искусство; третьи говорили, что важнѣе всего богопочитаніе.

Всѣ отвѣты были различны, поэтому царь не согласился ни съ однимъ изъ нихъ и никому не далъ награды. Для того же, чтобы узнать вѣрнѣе отвѣты на свои вопросы, онъ рѣшилъ спросить объ этомъ отшельника, про мудрость котораго шла великая слава.

Отшельникъ жилъ въ лѣсу, никуда не выходилъ и принималъ только простыхъ людей. И потому царь

одѣлся въ простую одежду и, не доѣзжая со своими оруженосцами до кельи отшельника, слѣзъ съ коня и одинъ пошелъ къ нему.

Когда царь подошелъ къ нему, отшельникъ передъ своей избушкой копалъ гряды. Увидавъ царя, онъ поздоровался съ нимъ и тотчасъ же опять принялся копать. Отшельникъ былъ худъ и слабъ и, втыкая лопату въ землю и выворачивая небольшіе комья земли, тяжело дышалъ.

Царь подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ, мудрый отшельникъ, просить тебя дать мнѣ отвѣты на три вопроса: *какое время надо помнить и не пропускать, чтобы потомъ не раскаиваться, какіе люди самые нужные, съ какими, стало быть, людьми надо больше и съ какими меньше заниматься, и какія дѣла самая важныя и какое поэтому дѣло изъ всѣхъ надо дѣлать прежде другихъ.*

Отшельникъ послушалъ царя, но ничего не отвѣтилъ, а плюнулъ на руку и опять сталъ ковырять землю.

— Ты утомился, — сказалъ царь, — дай мнѣ лопату, я поработаю за тебя.

— Спасибо, — сказалъ отшельникъ и, отдавъ лопату, сѣлъ на землю.

Вскопавъ двѣ гряды, царь остановился и повторилъ свой вопросъ. Отшельникъ ничего не отвѣтилъ, а всталъ и протянулъ руку къ лопатѣ:

— Теперь ты отдохни; давай я... — сказалъ онъ.

Но царь не далъ лопаты и продолжалъ копать. Прошелъ часъ, другой; солнце стало заходить за деревья, и царь воткнулъ лопату въ землю и сказалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ, мудрый человѣкъ, за отвѣ-

томъ на мои вопросы. Если ты не можешь отвѣтить, то такъ и скажи: я уйду домой.

— А вотъ кто-то бѣжитъ сюда, — сказалъ отшельникъ. — Посмотримъ кто это.

Царь оглянулся и увидалъ, что изъ лѣса, точно, бѣжалъ бородатый человѣкъ. Человѣкъ этотъ держался за животъ руками; изъ-подъ рукъ его текла кровь. Подбѣжавъ къ царю, бородатый человѣкъ упалъ на землю и, закативъ глаза, не двигался, а только слабо стоналъ.

Царь вмѣстѣ съ отшельникомъ раскрылъ одежду человѣка. Въ животѣ его была большая рана. Царь, какъ умѣлъ, обмылъ ее и своимъ платкомъ и полотенцемъ отшельника перевязалъ ее. Но кровь не унималась, и царь нѣсколько разъ снималъ промокшую теплой кровью повязку и вновь обмывалъ и перевязывалъ рану.

Когда кровь унялась, раненый очнулся и попросилъ напиться. Царь принесъ свѣжей воды и напоилъ раненаго.

Солнце между тѣмъ совсѣмъ зашло и стало свѣжо. Царь съ помощью отшельника перенесъ раненаго человѣка въ келью и положилъ на кровать. Лежа на кровати, раненый закрылъ глаза и затихъ. Царь же такъ усталъ отъ ходьбы и работы, что, прикурнувъ на порогѣ, тоже заснулъ и такимъ крѣпкимъ сномъ, что проспалъ такъ всю лѣтнюю короткую ночь, и когда утромъ проснулся, долго не могъ понять, гдѣ онъ и кто тотъ странный бородатый человѣкъ, который лежитъ на постели и пристально смотритъ на него блестящими глазами.

— Прости меня, — сказалъ бородатый человѣкъ сла-

бымъ голосомъ, когда увидѣлъ, что царь проснулся и смотреть на него.

— Я не знаю тебя и мнѣ не въ чемъ прощать тебя,— сказалъ царь.

— Ты не знаешь меня, но я знаю тебя. Я—тотъ врагъ твой, который поклялся отомстить тебѣ за то, что ты казнилъ моего брата и отнял у меня имущество. Я зналъ, что ты пошелъ одинъ къ отшельнику и рѣшилъ убить тебя, когда ты будешь возвращаться. Но прошелъ цѣлый день и тебя все не было. Тогда я вышелъ изъ засады, чтобы узнать, гдѣ ты, и наткнулся на твоихъ оруженосцевъ. Они узнали меня и ранили. Я убѣждалъ отъ нихъ. Но, истекая кровью, я померъ бы, если бы ты не перевязалъ мою рану. Я хотѣлъ убить тебя, а ты спасъ мнѣ жизнь. Теперь, если я останусь живъ, а ты захочешь этого, буду какъ самый вѣрный рабъ служить тебѣ и то же прикажу сыновьямъ моимъ. Прости меня.

Царь былъ очень радъ тому, что ему такъ легко удалось примириться съ своимъ врагомъ, и не только простилъ его, но обѣщалъ возвратить ему его имущество и, кромѣ того, прислать за нимъ своихъ слугъ и своего врача.

Простившись съ раненымъ, царь вышелъ на крыльцо, отыскивая глазами отшельника. Прежде, чѣмъ уйти отъ него, онъ въ послѣдній разъ хотѣлъ попросить его отвѣтить на заданные ему вопросы. Отшельникъ былъ на дворѣ и, ползая на колѣняхъ подлѣ вчера вскопанныхъ грядъ, сажалъ въ нихъ огородныя сѣмена.

Царь подошелъ къ нему и сказалъ:

— Въ послѣдній разъ, мудрый человѣкъ, прошу тебя отвѣтить мнѣ на вопросы.

— Да вѣдь тебѣ ужъ отвѣчено, — сказалъ отшельникъ, присѣвъ на свои худыя икры и снизу вверхъ глядя на стоящаго передъ нимъ царя.

— Какъ отвѣчено?—сказалъ царь.

— А какъ же?—сказалъ отшельникъ. — Если бы ты вчера не пожалѣлъ мою слабость, не вскопалъ за меня эти гряды, а пошелъ бы одинъ назадъ, тотъ молодецъ напалъ бы на тебя, и ты бы раскаялся, что не остался со мною. Стало быть самое настоящее время было то, когда ты копалъ гряды, и я былъ самый важный человекъ, и самое важное дѣло было мнѣ добро сдѣлать. А потомъ, когда тотъ прибѣжалъ, самое настоящее время было, когда ты за нимъ ходилъ, потому что, если бы ты не перевязалъ ему рану, онъ бы померъ, не помирившись съ тобой. Стало быть, и самый важный человекъ былъ онъ, а то, что ты ему сдѣлалъ, и было самое важное дѣло. Такъ и помни, что самое важное время одно: *сейчасъ*; а самое важное оно потому, что въ немъ одномъ мы властны надъ собой; а самый нужный человекъ тотъ, съ кѣмъ сейчасъ сошелся, потому что никто не можетъ знать, будетъ ли онъ еще имѣть дѣло съ какимъ-либо другимъ человекомъ, а самое важное дѣло — ему добро сдѣлать, потому что только для этого посланъ человекъ въ жизнь.

Ясная Поляна,
19 августа 1903 года.

Левъ Толстой.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
продаются слѣдующія изданія „ПОСРЕДНИКА“:

МЫСЛИ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Собралъ Л. Н. Толстой.

Обыкновенное изданіе (книгой). Цѣна **80** коп.

Отрывное настѣнное изданіе. Съ хромолитографированной
стѣнкой. Ц. **85** к.

Отрывное настольное изданіе (прикрѣпленное къ дощечкѣ
съ дугою).

Мудрость народовъ востока. Вып. I. **ЖИЗНЬ** и **УЧЕНІЕ КОНФУЦІЯ**.

Составилъ *И. А. Буланже*. Со статьею *Л. Н. Толстого*: „Изложе-
ніе китайскаго ученія“. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Крестьянинъ. Романъ *В. Поленца*. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Велич-
киной*. Съ предисловіемъ *Л. Н. Толстого*. Изданіе третье. М.
1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

Крестьянскіе рассказы *С. Т. Семенова*. Съ предисловіемъ *Л. Н. Тол-
стого*. Изданіе 2-е. М. 1904 г. Ц. 85 к.

Половая жизнь. (Рѣчь къ молодежи.) Профессора *Гейма*. Съ предис-
ловіемъ *Л. Н. Толстого*. М. 1903 г. Ц. 25 к.

Выписывать можно изъ редакціи изданій «ПОСРЕДНИКА»
(Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой переулокъ, д. Осипова,
И. И. Горбунову) и изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ.

Каталогъ всѣхъ изданій „Посредника“ вы-
сылается бесплатно.

Цѣна ~~20~~ коп.

6-47

085.